

ALMA MATER STUDIORUM
UNIVERSITÀ DI BOLOGNA

ARCHIVIO ISTITUZIONALE DELLA RICERCA

Alma Mater Studiorum Università di Bologna Archivio istituzionale della ricerca

Крейцера соната' и зарождение буржуазного брака.

This is the final peer-reviewed author's accepted manuscript (postprint) of the following publication:

Published Version:

Крейцера соната' и зарождение буржуазного брака / Zalambani Maria. - In: RUSSIAN LITERATURE. - ISSN 0304-3479. - STAMPA. - 82:(2016), pp. 101-137.

Availability:

This version is available at: <https://hdl.handle.net/11585/543665> since: 2020-02-26

Published:

DOI: <http://doi.org/>

Terms of use:

Some rights reserved. The terms and conditions for the reuse of this version of the manuscript are specified in the publishing policy. For all terms of use and more information see the publisher's website.

This item was downloaded from IRIS Università di Bologna (<https://cris.unibo.it/>).
When citing, please refer to the published version.

(Article begins on next page)

This is the final peer-reviewed accepted manuscript of:

'Krejcerova Sonata' i zaroždenie buržuaznogo braka, in "Russian Literature", 2016, 83, pp. 103-137

The final published version is available online at:
<https://www.sciencedirect.com/journal/russian-literature/vol/82/suppl/C>

Rights / License:

The terms and conditions for the reuse of this version of the manuscript are specified in the publishing policy. For all terms of use and more information see the publisher's website.

«Крейцера соната» и зарождение буржуазного брака¹

- Ну да как же жить с человеком, когда любви нет?
 - все торопилась дама высказывать свои суждения, которые, вероятно, ей казались очень новыми.
 - Прежде этого не разбирали,- внушительным тоном сказал старик,- нынче только завелось это.
- Л. Толстой. Крейцера соната.*

«Крейцера соната» - это не только назидательно-нравственная повесть, плод мировоззрения Толстого и его концепции христианского искусства². Это также произведение, имеющее ясную социальную значимость, отражающее перемены, охватившие русское общество к концу века в сфере супружеских и любовных отношений. Это своего рода «лаборатория», где проходят испытания новые семейные и общественные отношения, место для дискуссий о чувствах и сексе.

Цель нашего исследования – проследить преемственность (или непреемственность), которую представляет эта повесть по сравнению с «Анной Карениной» в отношении темы института брака³. Если роман 1877 года показывает кризис брака по расчету, то повесть 1890 года⁴ свидетельствует о рождении буржуазного брака, в котором «выражение чувств, а не их отрицание, завоевывало сферу супружеских отношений. Значительные события жизни, любовь, брак, материнство и отцовство могли быть высказаны также и языком чувств»⁵. Не

¹ Статья является переработанной версией статьи опубликованной на итальянском языке в: *Europa Orientalis*. 2013. N. 32.

² Так, как изложено в «Что такое искусство» (1897-1898), уже в стадии написания в те годы, когда Толстой пишет «Крейцерову сонату».

³ См. *Zalambani M.* Институт брака в романе «Анна Каренина» // Новое литературное обозрение. 2011. № 112. С. 157-177; *L'istituzione del matrimonio in Anna Karenina* // *Europa Orientalis*. 2010. № 29. P. 7-44. В действительности, Толстой уже затрагивал данную тему в романе «Семейное счастье». В этой связи см. *Zalambani M.* Lo sfondo socio-culturale in *Felicità familiare di L. Tolstoj* // *Studi slavistici*. 2013. № 10. С. 69-88.

⁴ После написания в 1887-1889 гг. «Соната» постоянно подвергалась редакции со стороны автора. Была опубликована впервые в Москве в 1891 г. в тринадцатом томе Произведений (на титульном листе указан 1890 г.), поскольку согласие на публикацию отдельного произведения было отклонено цензурой (прежде всего из-за обсуждения сексуальной темы). «Соната», тем не менее, была в обращении в интеллектуальных кругах в различных неокончательных редакциях в форме рукописи или литографии. Ввиду такого раннего своего распространения и из-за вызванных ею дискуссий она была уже известна Евгению Феоктистову, начальнику цензурного ведомства, который незамедлительно накладывает на нее запрет. Печать происходит по ходатайству жены Толстого у самого императора. Александр III, приняв на аудиенции Софью Андреевну, лично выдает разрешение на печать произведения. См. *Гудзий Н.* Крейцера соната // *Толстой Л.* Полн. Собр. Соч. В 90 т. Репринт издания 1928-1958 гг. Т. 27. М.: Terra, 1992. С. 563-624.

⁵ *Lombardi D.* Storia del matrimonio. Bologna: Il Mulino, 2008. P. 177. О революции чувств в русской супружеской жизни см. *Вишневецкий А.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: Изд. дом Гос. Ун-та Высш. Шк. Экономики, 2010. С. 139-149.

будем сосредотачивать внимание на воззрениях Толстого относительно этих вопросов, которые особенно, из-за щекотливости сексуальной темы и религиозных взглядов автора, сильно обеспокоили церковную власть того времени⁶. Его идеи стали темой обширных дискуссий со времени опубликования повести, как на родине, так и за границей. Постараемся же внимательно вслушаться в слова Позднышева и других персонажей в той лишь мере, в которой они проливают свет на особенности новой модели брака и «уход со сцены» старого института брака патриархального уклада.

Позднышев заявляет о невыносимой пустоте брака посредством парадоксов, наваждений и чрезмерных размышлений⁷. Он описывает все негативные моменты буржуазной семьи, доводя их до значительных крайностей. Его абсолютный бунт приводит его к отрицанию физической близости как таковой [«Нет, это неестественно!» (С. 29)⁸], поскольку это животное поведение, при котором тело убивает душу⁹. Невозможность решить эту дилемму приводит его почти к безумству и человекоубийству, единственному пути, который представляется возможным герою, чтобы уйти от действительности чтобы занять некое пространство вне института брака, которое позволило бы ему наблюдать за ним отстраненным взглядом.

В противовес голосу Позднышева, согласно которому новый брачный договор копирует «рыночную» модель [(«девы сидят, а мужчины, как на базар, ходят и выбирают» (С. 24)], когда товары выставляются напоказ для выбора поднимаются голоса тех героев, которые вступают с ним в противоречии и сопровождают его в его долгом путешествии сквозь безумие. Их многоголосие служит, прологом того что в последствие направит все лучи света на сцене на монолог главного героя. Пока герой представляет всеобъемлющий бунт против института брака как такового, непостижимого для него договора, невозможного для соблюдения, к той связи, которая игнорирует таинство брака, которая не знает «избирательного сродства» и сводится к чисто плотскому удовольствию [«Да брак-то в наше время один обман!» (С. 14)], другие персонажи, представители различных социальных

⁶ Речь идет о широко обсуждавшихся темах, по которым существует множество литературных источников. Самое исчерпывающее исследование произведения, на которое мы ссылаемся в том числе ввиду приведенной в нем библиографии *Møller P. Postlude to the Kreutzer Sonata: Tolstoj and the debate on sexual morality in Russian literature in the 1890.* Leiden – N.Y. – Copenhagen – Koeln: Brill, 1988.

⁷ Таннер утверждает, что такие наваждения приводят его, с целью избежать супружеской измены, к мечтам о братских супружеских отношениях, которые скрывают тайное желание инцестных отношений. *Tanner T. L'adulterio nel romanzo.* Genova: Marietti, 1990. P. 89.

⁸ Повесть «Крейцерова соната» цитируется по: *Толстой Л.* Указ. Соч. Т. 27. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

⁹ Представление полового акта как символа человекоубийства появилось уже в «Анне Карениной» (часть II, гл. 11). С целью психоаналитического толкования произведения см. *Ранкур-Лаферье Д.* Русская литература и психоанализ М.: Ладомир, 2004. С. 622-856.

слоёв, защищают совершенно противоположные точки зрения. Именно через это многоголосие мы слышим голос времени, современности Толстого. В этом многоголосии звучит женский голос представительницы новых движений за эмансипацию женщин, ее спутника-адвоката, который озвучивает точку зрения закона, пожилого купца, воплощающего патриархальные представления, приказчика, нейтрального собеседника, и, наконец, рассказчика. История супружеской жизни, рассказанная голосом главного героя, олицетворяет буржуазную модель брака, хотя в данном конкретном случае сводящаяся к крайности и безумию жестоким и смертоносным его завершением. До наступления трагического финала Позднышев описывает новые отношения во всех их фазах: любовное и чувственное сближение, повседневная жизнь, воспитание детей, опыт ревности и страх перед супружеской изменой.

«Крейцера соната» создает литературный дискурс вокруг множества тем, стоявших на повестке дня в 90-е годы XIX века: эмансипация женщин, новые семейные отношения между супругами, родителями и детьми, развод. Все эти темы господствовали в печати того времени, ими пестрили специальные публикации, толстые журналы и ежедневные газеты. Актуальность и сила использованной аргументации делают из «Сонаты» особое литературное, но в то же время и общественное событие. Текст Толстого – это удар, нанесенный обществу и всем устоявшимся правилам того времени, он подталкивает общественное мнение занять определенную позицию в отношении произведения и задаться вопросом о значении авторитетного слова писателя, который, в свою очередь, чувствует себя обязанным ответить послесловием к «Сонате», где разъясняет свои тезисы¹⁰. Но аргументы Толстого остаются непонятными для критиков, которые единогласно отвергают повесть: народники (Л. Оболенский, Н. Михайловский, А. Скабичевский) ратуют за отношения, основанные на любви, взаимоуважении, равенстве полов, благосклонно принимают порицание современного брака, но отвергают сексуальную мораль Толстого; консерваторы (Н. Буренин, А. Суворин) даже признавая за «Крейцеровой сонатой» защиту обычаев и нравственности, видят также в ней нападки на институт брака; наконец,

¹⁰ В действительности Толстой начинает писать «Послесловие» в 1889 г., завершив предпоследнюю версию «Сонаты» и еще до получения писем, направленных ему читателями по поводу повести. Когда, в дальнейшем, во время редакции повести многие знакомые напишут ему, выражая просьбу занять менее жесткую позицию в отношении брака, поскольку тезис целомудрия в супружеской жизни повлек бы за собой отдаление многих читателей, Толстой не отступит от своих позиций. Так же как и «Соната», «Послесловие» начинает ходить в интеллектуальных кругах до своего завершения в четвертой и предпоследней редакции, датированной 6 апреля 1890 г. (неокончателная версия опубликована в том же году в Берлине). Последняя полная редакция (без вмешательства цензуры) «Послесловия» выходит в печать в Берлине в 1890 г. (отдельным изданием). (См. *Гудзий Н.* Послесловие к «Крейцеровой сонате». История написания и печатания «Послесловия» к «Крейцеровой сонате» // *Толстой Л.* Указ. Соч. Т. 27. С. 625-646).

представители церковного мира толкуют «Сонату» как покушение на таинство брака, что вызывает озабоченность у видных иерархов православной церкви, среди которых архиепископ Херсонский и Одесский Никанор, и побуждает их принять участие в дискуссии¹¹.

Произведение Толстого стимулирует дискуссию о семье и о сексуальной морали, прежде всего, своими крайними заключениями, в которых отрицаются христианский брак и половые отношения, даже если они имеют место в рамках брачного союза:

Идеал христианина есть любовь к Богу и ближнему, есть отречение от себя для служения Богу и ближнему; плотская же любовь, брак, есть служение себе и потому есть во всяком случае препятствие служению Богу и людям, а потому с христианской точки зрения - падение, грех (С. 87).

[Д]остижение цели соединения в браке или вне брака с предметом любви, как бы оно ни было опозтизировано, есть цель недостойная человека, так же как недостойна человека [...] цель приобретения себе сладкой и изобильной пищи (С. 82).

Если до опубликования «Послесловия» общественность не могла идентифицировать автора с главным героем, то появление «Послесловия» сняло любые сомнения по данному поводу и побудило критиков сконцентрироваться на воззрениях Толстого. «Послесловие» – это эссеистическое разъяснение «Сонаты»; писатель создает две параллельные повести; во второй он всего лишь воспроизводит идеи литературной повести и подтверждает их в форме эссе, излагая пункт за пунктом обсуждаемые темы, которые сам он резюмирует следующим образом:

Развратничать не надо до брака, не надо и после брака, [...] не надо искусственно уничтожать деторождения, [...] не надо из детей делать забавы и не надо ставить любовное соединение выше всего остального (С. 83).

Затем он приходит к окончательному утверждению: стремиться к идеалу Христа через целомудрие и с этой целью отвергать брак¹². Такова последняя аргументация, поддержанная

¹¹ *Никанор (Бровкович)*. Беседа высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского о христианском супружестве, против графа Льва Толстого. Одесса: Пантелеймонов монастырь, 1890 (мы использовали седьмое издание, 1894 г.); Никанор на ту же тему публикует многочисленные выступления в журналах (Новости. 1890. № 15-19; Крымский вестник. 1890. № 172-175; Волынь. 1890. №№ 187, 189, 192, 198, 200, 201, 204; Православное обозрение. 1890. № 8; Воскресный день. 1890. С. 444, 460, 470, 484; Странник. 1890. № 9. С. 26-71). О реакции церкви см.: *Городцев П.* (священник). О браке и о современном упадке семейной жизни. (По поводу «Крейцеровой сонаты»). СПб.: Тип. С. Добродеевой, 1891; *Преображенский Ф.* (священник). Христианский брак. Несколько слов о сущности и условиях христианского брака по поводу воззрений графа Л. Н. Толстого в сочинениях: «Крейцера соната» и «Послесловие» к ней. М.: Тип. Сытина, 1891. Константин Победоносцев, юрист и, с 1880 г., главный прокурор Священного Синода, пишет озабоченные письма императору Александру III по поводу губительного воздействия, которое может иметь на общественность распространение произведения: «Толстой — фанатик своего безумия и, к несчастью, увлекает и приводит в безумие тысячи легкомысленных людей». (*Победоносцев К.* Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993. С. 594; см. также С. 478-484).

Позднышевым в его монологе, даже если и в более имплицитной форме по сравнению с «Послесловием». Подобная позиция пугает современников и приводит к тому, что друг и редактор Толстого, Владимир Чертков, просит его в письме быть менее жестким в своих отрицаниях:

Поторопитесь же прислать мне хоть полстранички или несколько строк, принимающие во внимание законность *нравственного* брака для тех сотен миллионов современных людей, которые еще не поднялись до уровня возможно более целомудренного брака. Если вы этого не сделаете, и «Послесловие» разойдется по миру без этой прибавки, то миллионы *современных* людей, еще живых во плоти, будут оттолкнуты от жизни Христа, а не привлечены к ней¹³.

Но Толстой отказывается прислушаться к его совету, намеренно идя против общественного мнения. Сильная реакция читателей показывает, что была поражена болезненная точка общественного организма, организма развивающегося, который находится в стадии преобразований, сохраняя физиогномические признаки прошлого, но уже направленного навстречу новому веку. Авторитетность толстовского слова играет очень важную роль в этой эволюции и приводит к очень сильному противостоянию произведения с общественностью, о чем свидетельствуют заявления современников:

Благодаря популярности, какую пользуется имя нашего гениального писателя, его «Крейцера соната» быстро распространилась по всему просвещенному миру и всюду начала производить различного рода брожения. [...] В громадном большинстве случаев влияние ее таково, что заставляет человека вдуматься, оглянуться на себя, посмотреть с птичьего полета на свою собственную жизнь. Чего еще больше можно требовать от литературного произведения?¹⁴

В очередной раз литература вторгается в область публицистики, смешивая и перемешивая литературный дискурс с общественно-философским. Именно этот аспект мы попытаемся исследовать в нашей очерке, стараясь выявить следы, которые новый буржуазный институт брака оставил между строк «Крейцеровой сонаты».

Буржуазная семья

Толстой, который в 70-х годах изобразил русскую аристократию в «Анне Карениной», к концу века на примере героев «Крейцеровой сонаты» описывает новый общественный класс: «Я помещик – говорит Позднышев - и кандидат университета и был предводителем»

¹² Модель целомудрия Толстого выражена в сборнике заметок под редакцией Владимира Черткова: О половом вопросе. Christchurch (Hants), 1901, в котором полностью публикуется также «Послесловие к Крейцеровой сонате», вышедшее урезанным царской цензурой в 1891 г. (Мы использовали русское издание 1906 г.)

¹³ Толстой Л. Указ. Соч. Т. 87. С. 25.

¹⁴ Разумовский А. «Крейцера соната» графа Л. Н. Толстого и ее выводы. М.: типо-лит. И.Н. Кушнерев и К^о, 1892. С. 5.

(С. 16). И добавляет, говоря о жене: «Многих я забраковывал именно потому, что они были недостаточно чисты для меня; наконец я нашел такую, которую счел достойной себя. Это была одна из двух дочерей когда-то очень богатого, но разорившегося пензенского помещика» (С. 20). Также и персонажи, которые вращаются вокруг них, представляют собой средний класс и воплощают новые профессиональные категории: адвокат, приказчик, эмансипированная дама, купец. Через этих героев мы видим срез жизни русского общества в период после больших реформ.

60-е и 70-е годы характеризуются многообразной социальной стратификацией населения, стремящейся уравнивать сословия, особенно через упразднение некоторых привилегий дворян (в этом направлении проводились судебная, военная и полицейская реформы). В частности, Городовое уложение 1870 года, которое вводит городскую Думу, преобразует управление городом, сначала жестко осуществляемое высшими классами, в расширенное управление всех сословий¹⁵. Растет количество мещан, которые теперь имеют доступ к государственной службе, и именно из этого сословия выходят многие новые профессионалы и часть *интеллигенции*; развивается купечество и рождается новый класс - буржуазия. Этот класс по своей структуре отличается от западного, который в соответствии со средневековым уставом состоял из среднего класса, проживающего в городах и образованного свободными гражданами. В России сословие, которое максимально приближается к этому понятию, это – купечество, промежуточный класс между дворянами и духовенством, с одной стороны, и крестьянами и мещанами, с другой, в конце века ещё численно очень незначительный и поэтому недостаточно сильный для выхода на политическую сцену¹⁶.

Реформы вызывают разрушение многих дворянских семей и создают необходимость замены самодостаточного хозяйства (такого как латифундия) на хозяйство домашнее, которое зависит от работы его членов; это влечет за собой уменьшение их числа и преобразование семейной структуры, которая из составной становится немногочисленной, в

¹⁵ *Иванова Н., Желтова В.* Сословное общество российской империи. М.: Новый Хронограф, 2009. С. 498-502; *Нардова В.* Самодержавие и городские думы в России в конце XIX- начале XX века. СПб.: Институт Российской Истории РАН, 1994; *Араловец Н.* Городская семья в России 1897-1926 гг. М.: Институт Российской Истории РАН, 2003. С. 69-76.

¹⁶ Насчет отсутствия настоящей буржуазии в России согласны все историки (за исключением некоторых советских ученых), хотя их объяснения и разнятся. Например, Ричард Пайпс, ориентируясь на европейскую модель, подчеркивает особенность общественных сословий в России, Миронов же отмечает их аналогию с западными. См. *Pipes R.* Russia under the Old Regime. New York: Penguin books, 1995; *Миронов Б.* Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.) в 2 тт. СПб.: Буланин, 1999. См. также *Rogger H.* La Russia pre-rivoluzionaria. Bologna: Il Mulino, 1992. С. 167-216; *Иванова Н., Желтова В.* Указ. Соч. С. 405-512; *West J., Petrov I.* Merchant Moscow-Images of Russia's Vanished Bourgeoisie. Ewing, NJ: Princeton University Press, 1998; *Rieber A.* Mercanti e imprenditori nella Russia imperiale. Bologna: Il Mulino, 1993.

том числе под влиянием происходящей урбанизации. Речь идет о переходном периоде, который предшествует великой индустриализации 90-х годов и в течение которого характерные черты семьи начинают меняться коренным образом, даже если патриархальная и буржуазная модели долго еще сосуществуют и взаимодействуют согласно биному "изменения и непрерывности".

Мы застаем семью русского народа в переходном состоянии, в каком-то брожении патриархальных начал, колеблемых со стремлением задавленной ими отдельной личности выйти из них и занять самостоятельное положение: но среди этого поворота мы ясно замечаем, что патриархальные начала еще живут среди народных масс и больше всего они отражаются на положении женщины, как в семье отца, так и в семье мужа, как относительно заключения брака, относительно прав супругов, так и относительно превращения брачного союза; наряду с этим – дышащая патриархализмом власть отца семьи и общность имущества. [...] Везде и всюду видно право сильного, право главы семейства распоряжаться в семье по своему усмотрению¹⁷.

Миграция сельского населения в города привносит архаичную модель крестьянской семьи патриархального типа, которая, однако, подвергнется постепенному и очень медленному разрушению ввиду модернизации семейных и общественных отношений¹⁸. Индустриализация России не повлечет немедленной урбанизации, поскольку многие фабрики, и особенно относящиеся к текстильной отрасли, возникают в сельской местности. И даже когда население перемещается из деревни в город, оно всегда сохраняет глубокие связи с родными краями¹⁹. Остатки этой модели находят отражение в «Крейцеровой сонате» в словах купца:

- А в женщине первое дело страх должен быть. [...]
- Какой же страх? - сказала дама.
- А такой: да боится своего му-у-ужа! Вот какой страх.
- Ну, уж это, батюшка, время прошло, – даже с некоторой злобой сказала дама.
- Нет, сударыня, этому времени пройти нельзя. Как была она, Ева, женщина, из ребра мужнина сотворена, так и останется до скончания века, – сказал старик, так строго и победительно потрянув головой, что приказчик тотчас же решил, что победа на стороне купца, и громко засмеялся (С. 10-11).

В городских центрах наряду с такой ментальностью зарождается новая ментальность, характерная для городской, буржуазной семьи. На новую ментальность оказывают значительное влияние идеи эмансипации женщины, которая после 60-х годов оспаривает

¹⁷ Лазовский Н. Личные отношения супругов по русскому обычному праву // Юридический вестник. 1883. № 6-7. С. 359.

¹⁸ Миронов Б. Указ. Соч. Т. 1. С. 250-257.

¹⁹ Engel B. Between the fields and the city. Women, work, and family in Russia, 1861-1914. Cambridge-New York: Cambridge Univ. Press, 1994. P. 101-125; Johnson R. Family Relations and the Rural-Urban Nexus: Patterns in the Hinterland of Moscow, 1880-1900 // Ransel D. (edited by). The Family in Imperial Russia. Urbana: Univ. of Illinois Press, 1978. P. 263-279.

свою роль, подчиненную *pater familias*. Начиная с этого времени у женщин появляется доступ к высшему образованию (в 90-е годы открывается первый женский медицинский институт); женщины, покидая стены дома, уже, как правило, не ведомы целью заключения подходящего брака, а стремятся к получению образования, в основном медицинского, а те, кто не может этого сделать на родине, отправляется за границу, прибегая даже к фиктивному браку²⁰.

Буржуазная семья оставляет место чувствам и уважению между супругами и концентрируется на воспитании детей: «Такая семья и становится колыбелью нового фундаментального принципа семейных отношений, прямо противоположного прежнему: не человек для семьи, а семья для человека»²¹. Эта семья со своим определением властных отношений, которые в патриархальной модели контролировались в горизонтальной (муж – жена) и вертикальной осях (родители – дети), и именно она больше всего интересует Толстого. Он последовательно подвергает критике все ее принципиальные черты:

Вся жизнь с детьми и была для жены, а потому и для меня, не радость, а мука. Как же не мучаться? Она и мучалась постоянно. Бывало, только что успокоимся от какой-нибудь сцены ревности или просто ссоры и думаем пожить, почитать и подумать; только возьмешься за какое-нибудь дело, вдруг получается известие, что Васю рвет, или Маша сходила с кровью, или у Андрюши сыпь, ну и конечно, жизни уж нет. [...] Правильной, твердой семейной жизни не было. А было, как я вам говорил, постоянное спасение от воображаемых и действительных опасностей. Так ведь это теперь в большинстве семей. В моей же семье было особенно резко. Жена была чадолюбива и легковерна.

Так что присутствие детей не только не улучшало нашей жизни, но отравляло ее. Кроме того, дети – это был для нас новый повод к раздору (С. 43).

Буржуазная семья берет на себя бремя новых производственных, демографических и воспитательных функций. В то время как феодальная семья напрямую организовывала производство и потребление, новая ячейка выполняет только функции потребления и организации повседневной жизни. Сокращается также и число детей, особенно в семьях городских рабочих²², но в то же время растет и количество новорожденных от внебрачных связей²³. Речь идет о первых признаках того явления, которое произойдет с приходом нового

²⁰ Пономарева В., Хорошилова Л. Мир русской женщины: Воспитание, образование, судьба XVIII – начало XX века. М.: Русское слово, 2009. С. 206-295.

²¹ Вишневский А. Указ. Соч. С. 134. См. Пономарева В., Хорошилова Л. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. М.: Новый Хронограф, 2009. С. 139-179; Пономарева В., Хорошилова Л. Мир русской женщины: Воспитание, образование, судьба... С. 99-112.

²² В европейской России этот индекс в 1881-1885 гг. снижается на 50,5%. См. Араловец Н. Городская семья в России... С. 74.

²³ Показатель оставления внебрачных детей (даже только из-за бедности) очень высок в имперской России, и для ограничения данного явления в течение всего XIX в., в частности в 90-е годы, предпринимаются попытки, чтобы упразднить право матери на анонимность.

века, когда произойдет разделение воспроизводственного и сексуального поведения, и будет контролироваться рождаемость (часто посредством незаконной практики абортов²⁴). Кроме того, растет число разводов и случаев раздельного проживания супругов, а также количество лиц, не состоящих в браке:

Внезапно выросший в последнее время Петербург, с 980.000 почти до 1.300.000 жителей, постоянно привлекает в свои стены массы одиноких интеллигентных людей, нуждающихся в скромной, но приличной и изящной домашней обстановке. Это в большинстве случаев художники, конторщики, студенты, врачи, чиновники, артисты, агенты, учителя, учительницы, курсистки, телеграфистки, фельдшерицы и проч., которых в Петербурге насчитывается несколько десятков тысяч и для которых здесь почти нет прилично обставленных общежитий²⁵.

Перепись 1897 г. показывает абсолютно новую ситуацию: число лиц, не состоящих в браке, превышает количество лиц, заключивших брак (58,2% мужчин и 56% женщин)²⁶. Очевидным представляется факт, что зарождаются многие союзы нового типа: те, кто покинул семью, чтобы найти работу в городе, часто просто сожительствуют, а для женщин законные брачные узы более не являются приоритетом. В 1897 г. в свет выходит брошюра, в которой осуждается изменение обычаев относительно добрачных отношений, которые стали практиковаться среди молодежи. Определяя их как "преступное легкомыслие", автор ставит перед собой дидактическую цель разоблачить их аморальность с тем, чтобы утвердить таинство брака: «разъяснить значение правильных отношений между обоими полами и указать средства, при помощи которых можно урегулировать эти отношения - вот цель предлагаемой брошюры»²⁷. Выражая свое мнение, он обращается к авторитетному слову Толстого, ссылаясь на цитаты из «Крейцеровой сонаты»:

[В]ступление в такое половое общение, при котором люди или освобождают себя от возможных последствий его — детей, или сваливают всю тяжесть этих последствий на женщину, или предупреждают возможность рождения детей,— что такое половое общение есть преступление самого простого требования нравственности, есть подлость. (С. 80)²⁸.

(*Ransel D. Abandonment and Fosterage of Unwanted Children: The Women of the Foundling System // D. Ransel (edited by). The Family in Imperial Russia... P. 192*).

²⁴ См. *Араловец Н. Городская семья в России... С. 75; Гончаров Ю. Социальное развитие семьи в России в XVIII-начале XX века // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул: Азбука, 2001. С. 25-39; Араловец Н. Семейные отношения городских жителей России в контексте повседневности (90-е гг. XIX в. – 20-е XX в.). Там же. С. 97-108; Гончаров Ю. Городская семья Сибири второй половины XIX–начала XX в. Барнаул: Изд. Алтайского университета, 2002. С. 91 (<http://new.hist.asu.ru/biblio/gon1/83-97.html> (10.05.2012)).*

²⁵ *Каменцев М. Потребность в устройстве меблированных домов. Домовладелец. 1897. № 10. С. 186.*

²⁶ *Белякова Е. Брак и развод в России XIX века // Первое сентября. 2001. № 15 (<http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0261/analit02.php> (29.03.2011)).*

²⁷ *Золотарев Л. Мимолетные связи и брак. М.: И.Н. Кушнерев, 1898. С. 3.*

²⁸ Там же. С. 42.

Автор в качестве альтернативы этим "преступным интимным связям" предлагает "законный брак" с целью защиты семьи и чести женщин, всегда сурово осуждающихся обществом в случае нарушения ими общественных канонов, которое, однако, намного более снисходительно относится к мужчинам. Родители и общество посредством литературы и воспитания, особенно женского, обязаны положить конец таким "преступным отношениям"²⁹.

Отношения между полами меняются из-за появления новой женской ипостаси: доступ женщины к рынку труда, так же как и ее обязанности в воспитании детей и домашнем управлении, изменяют ее роль внутри общества и семьи³⁰. Воспитание детей приобретает главную ценность и происходит совершенно отличным образом по сравнению с прошлым, так как оно основывается на отношениях уважения к личности ребенка и призвано развивать его интеллектуальный и творческий потенциал.

Новая семья менее авторитарна, имеет большую внутреннюю сплоченность, вдохновленную принципом чувственного индивидуализма. Ввиду ослабления крепости родственных уз усиливается прочность связей супружеских, при этом выбор супруга не является больше исключительной прерогативой родителей. В брачных переговорах финансовые соображения часто уступают место рассуждениям о чувствах, стимулируя большие ожидания счастья. Авторитет родителей над детьми и мужей над женами уменьшается, и все члены семейной ячейки заявляют о большей автономии:

С установлением индивидуальной семьи власть над детьми перестает быть привилегией отца и становится уделом обоих родителей. Изменяются и самые отношения между двумя поколениями: родительские права порождают теперь обязанности для самых родителей, неисполнение которых может возбудить против них преследование со стороны заинтересованных лиц и самого государства³¹.

Тот же тезис поддерживает и социолог Питирим Сорокин. В своем исследовании 1916 г., посвященном кризису современной семьи, он утверждает, что в последние десятилетия начался процесс ослабления старой семейной структуры, которая уже на грани исчезновения: *«По мере приближения к нашему времени становится более слабым и союз мужа и жены и союз родителей и детей, т.е. те две основы семьи, которыми исчерпывается ее содержание»*³².

²⁹ Там же. С. 41-42, 52-64.

³⁰ Об истории женщин в России отсылаем к работам Н. Пушкаревой и приведенной в них библиографии: *Pushkareva N. Women in Russian History* Armonk, London: M. E. Sharpe, 1997; *Пушкарева Н., Бессмертных Л.* (Сост.). *А се грехи злые, смертные....* М.: Ладомир, 2004. Кн. 3; *Пушкарева Н.* *Русская женщина: история и современность.*, М., 2002; *Она же.* *Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X- начало XIX в.).* М.: Ладомир, 1997.

³¹ *Ковалевский М.* *Очерк происхождения и развития семьи и собственности [1895].* М.: Комкнига, 2007. С. 115-116.

³² *Сорокин П.* *Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал.* 1916. № 2. С. 175.

Эмоциональная близость между членами семьи становится необходимой для обеспечения сплоченности этой ячейки общества, которая все же соответствует новому общественному строю. Здесь речь идет, говоря словами Фуко, о переходе от "диспозитива супружества" к "диспозитиву сексуальности", который регулирует новый брачный договор и включает его в логику власти, согласно которому семья, кроме всего прочего, является превосходным "дисциплинарным институтом", пространством, в котором закаляется тело и дух ее членов для того, чтобы стать приспособленными к требованиям общества³³. Историк Максим Ковалевский уже в 1895 г. предчувствовал функцию, с которой столкнется семья:

Потеряв свой прежний принудительный характер, семья стала лучшей школой для детей. [...] Я только-что назвал семью детской школой. Я должен был бы просто сказать, что она школа, потому что в ней совершенствуются не одни дети, но и взрослые. Все мы, без различия пола и возраста, обязаны ей чувством бескорыстного стремления к добру, тем альтруизмом, семена которого запали в наши души. [...] Где же, как не в семье, приобрели мы эту способность к самопожертвованию?³⁴

Буржуазная семья менее деспотична, но все так же основана на авторитете *pater familias*. Оставаясь местом близости и протекания частной жизни, она становится территорией спокойствия, где мужчина находится под защитой от неприятностей работы и внешнего мира, а женщина, как главное лицо и хранительница домашнего очага, должна быть источником добродетели и обладать безупречными моральными качествами, необходимыми для воспитания детей. Ее образ – это образ чистоты, незапятнанной прелюбодеянием; поэтому женщина, возвышаясь как символ добродетели, становится бесполом существом вроде Памелы у Ричардсона или пушкинской Татьяны, ангелом домашнего очага, прибежищем для мужа и колыбелью для детей.

Новая модель брака

В «Крейцеровой сонате» буржуазный брак заявляет о себе устами собеседницы пожилого купца:

- Да чем же худо образование? – чуть заметно улыбаясь, сказала дама. – Неужели же лучше так жениться, как в старину, когда жених и невеста и не видали даже друг друга? - [...]

- Не знали, любят ли, могут ли любить, а выходили за кого попало, да всю жизнь и мучились; так, по-вашему, это лучше? - говорила она, очевидно обращая речь ко мне и к адвокату, но менее всего к старику, с которым говорила. [...]

- Женят таких, которые не любят друг друга, а потом удивляются, что несогласно живут, - торопилась говорить дама, оглядываясь на адвоката и на меня и даже на приказчика [...]. - Ведь это только животных можно спаривать, как хозяин хочет, а люди имеют свои склонности, привязанности, - очевидно желая уязвить купца, говорила она. [...]

³³ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 210-212.

³⁴ Ковалевский М. Указ. Соч. С. 123.

- Ну да как же жить с человеком, когда любви нет? - все торопилась дама высказывать свои суждения, которые, вероятно, ей казались очень новыми (С. 9-10).

Бессознательным свидетелем такого брака является и Позднышев, который, даже отвергая его позже, вначале подчинился его правилам игры, принял новый обряд и отказался от договоренности между семьями в пользу ухаживания и влюбленности. Он сам утверждает, что отказался от брака по договору в пользу отношений, основанных на любви и верности:

Так и я: я женился не на деньгах - корысть была ни при чем, не так, как большинство моих знакомых женились из-за денег или связей,- я был богат, она бедна (С. 27).

И я влюбился, как все влюбляются (С. 24).

[Я] же имел твердое намерение держаться после свадьбы единобрачия (С. 27).

Позднышев олицетворяет многие типы поведения, характерные для конца века, даже в том, что касается его отчаянного поступка. В 90-е годы значительно увеличивается число убийств в семье, при этом, в отличие от ситуации до 1860 г., преобладают женоубийства. Вероятно, это следствие того факта, что брак, основанный на любви, предполагая большее ожидание счастья, может привести, однако, к глубоким разочарованиям. Все это, вместе с большей свободой поведения, может привести к ранее немыслимым крайностям:

Еще два вида преступлений – убийство супругов и родителей – также характеризуют напряженность межличностных отношений в семье. В 1835-1846 гг. за убийство супруга ежегодно осуждались и ссылались в Сибирь со всей России 21 мужчина и 35 женщин, за убийство родителей – соответственно 5 и 1. В 1874 г. было осуждено по 33 губерниям за убийство супруга 35 мужчин и 28 женщин, за убийство родителей – соответственно 10 и 0, в 1892 г. по 33 губерниям за убийство супруга – соответственно 86 и 51, за убийство родителей – 22 и 1³⁵.

Также и в этом Позднышев является зеркалом своей эпохи:

[К]огда, муж и жена приняли на себя внешнее обязательство жить вместе всю жизнь и со второго месяца уж ненавидят друг друга, желают разойтись и все-таки живут, тогда это выходит тот страшный ад, от которого спиваются, стреляются, убивают и отравляют себя и друг друга,- говорил он все быстрее, не давая никому вставить слова и все больше и больше разгораясь. (С. 15).

А главный виновник этих крайностей, по мнению Позднышева, это - новое качество любви:

³⁵ *Мионов Б.* Указ. Соч. Т. 1. С. 249-250. Внутри женской преступности с 1874 по 1894 г. драматически растет число семейных и сексуальных преступлений. См. *Engelstein L.* The Keys to Happiness. Sex and Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Ithaca and London: Cornell Univ. Press, 1994. P. 96-127.

- Да все про то же: про эту любовь ихнюю и про то, что это такое. Вы не хотите спать?

- Совсем не хочу.

- Так хотите, я вам расскажу, как я этой любовью самой был приведен к тому, что со мной было? (С. 16)³⁶

В свою очередь, эмоциональные отношения приводят к другим общественным изменениям, о чём пишет Сорокин в своем анализе, в котором он описывает происшествия последних десятилетий:

1) Все быстрее и быстрее растущий процент *разводов* и «разлучений от стола и ложа», 2) *уменьшение самого числа браков*, свидетельствующее о том, что все больше и больше становится лиц, не желающих связывать себя современными узами «законного брака», 3) рост «внебрачных» союзов мужчины и женщины, 4) рост проституции, 5) падение рождаемости детей, 6) освобождение женщины из-под опеки мужа и изменение их взаимных отношений, 7) уничтожение религиозной основы брака и 8) все более и более слабая охрана супружеской верности и самого брака государством³⁷.

Семья, будучи «эмбриональной клеткой» и стержнем, вокруг которого вращается общество, всегда находилась под пристальным наблюдением со стороны государства и церкви, которые оспаривали между собой господство над ней. Религиозный брак установил компетенции светской и церковной власти на многие века, но теперь согласие между этими двумя ветвями власти начинает расшатываться:

Одной из главных основ семьи и брака была религия и ее покровительство браку и семье, как религиозному, священному установлению. На этом основании брак был объявлен «таинством», семья – учреждением божества, охраняемым церковью и государством, посягательства против нее – грехом и великим преступлением. Весь авторитет церкви, вся ее святость и в силу этого вся сила государства были пущены в ход для защиты семьи и основ брака³⁸.

Сам Толстой считает брак, прежде всего, христианским институтом: «[Ц]ерковные учения, называющие себя христианскими, установили брак как христианское учреждение» (С. 86). Теперь же образ мыслей конца века требует от него секуляризации и более свободных отношений.

В обоих своих видах семейная связь, и как половой союз мужа и жены, – и как союз родителей и детей – все более и более слабнет и разлезается. Семья теряет одну за другой из своих функций и превращается из цельного слитка в все более худеющую, уменьшающуюся и разваливающуюся семейную храмину³⁹.

³⁶ Также Чехов в повести «Ариадна» 1895 г. описывает разочарование новым брачным союзом. Повесть содержит скрытую полемику с «Крейцеровой сонатой». См. *Семанова М. "Крейцера соната" Л.Н. Толстого и "Ариадна" А.П. Чехова // Чехов и Лев Толстой. М.: Наука, 1980. С. 225-253.*

³⁷ *Сорокин П. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал. 1916. № 2. С. 175.*

³⁸ Там же. С. 188.

³⁹ П. Сорокин, *Кризис современной семьи // "Ежемесячный журнал", 1916, № 3, С. 165.*

Метаморфоза брачного союза касается, прежде всего, брака как религиозного института. В действительности, церковь, определив его как таинство, на века взяла его под свой контроль, отодвинув государственную власть на второй план. Теперь же свободная воля в выборе супруга, бóльшая свобода нравов, увеличение случаев развода, менее авторитарные отношения между супругами и между родителями и детьми требуют секуляризации брака.

Ветер перемен отражается в дискуссии, которую предпринимают юристы для пересмотра Семейного кодекса. Прогрессивное крыло, поддерживая семью, основанную на чувствах супругов и признающую индивидуальные права, бросает вызов автократическому порядку и выдвигает весомые запросы по секуляризации закона, таким образом бросая вызов авторитету и религиозным наставлениям православной церкви⁴⁰. В результате внимательного изучения дискуссии можно заключить, что переход от патриархальной семьи к семье, основанной на чувствах, не является показателем упадка данного института; напротив, упорство, с которым юристы всех течений обращаются к реформе Гражданского кодекса о семье, стараясь строго подчинить семью новым властным механизмам, выражает сознание того, что все они понимают важность этого института в момент коренного социального перехода такого порядка. Как результат бурных споров, происходящих на юридическом уровне и в которых очень активно принимает участие православная церковь в упорной попытке сохранить *status quo*, привносятся различные новшества касательно узаконивания детей: с 1891 г. брак автоматически ведет к признанию детей, рожденных до его заключения. Нужно будет подождать начала нового века, чтобы увидеть последующие резкие изменения: с 1902 г. дети, рожденные вне брака, уже не считаются незаконными и приобретают право носить фамилию отца, а также наследовать его имущество⁴¹; в 1912 г. (впервые после кодекса 1649 г.) Государственная Дума принимает закон о частичном равноправии полов в случае наследования⁴². В любом случае, речь идет об очень медленном по сравнению с Западной Европой процессе, затрудняемом длительным существованием старого режима (*ancien régime*) в России настолько, что гражданский брак⁴³ не признавался,

⁴⁰ *Wagner W.* Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. Oxford: Oxford Univ. Press, 1994. P. 101.

⁴¹ Свод законов гражданских по состоянию на 1911 г. (<http://civil-law.narod.ru/wist/szg/szg121.html> (28.02.2012)).

⁴² Закон от 3 июня 1912 г. "О расширении прав наследования по закону лиц женского пола и права завещания родовых имений". См. *Ворошилова С.* Гражданско-правовое положение женщин в России (XIX – начало XX века). Саратов: СГАП, 2010. С. 153-191.

⁴³ Декрет от 18 декабря 1917 г. о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния (<http://www.economics.kiev.ua/download/ZakonySSSR/data04/tex17493.htm> (28.02.2012)).

а окончательный закон о секуляризации развода⁴⁴ не был принят вплоть до самой Октябрьской революции.

Пережитки юридической системы старого режима (*ancien régime*) проявляются также в приговоре, основанном на патриархальном понятии "мужской чести" (отличном от "женской чести"), вынесенном судом по делу Позднышева: подсудимый оправдан, т.к. убил, защищая свою честь:

На суде так и решено было, что я обманутый муж и что я убил, защищая свою поруганную честь (так ведь это называется по-ихнему). И от этого меня оправдали (С. 49).

Любовь и сексуальные отношения в рамках договора

В 90-е годы контроль цензуры и государства становится менее жестким по сравнению с периодом, последовавшим за убийством царя (1881 г.), и на поверхность выходят ранее подавляемые тенденции, которые направлены как против строгой морали, предписанной церковью, так и против тезисов демократов-популистов. Новая философия индивидуализма ведет к переосмыслению человека, чувств, сексуальных отношений: меняется идеал семьи, любовь и плотская чувственность призваны играть совершенно иные, новые роли. Речь идет, таким образом, о новом определении самого понятия любви, считавшемся ранее спокойным союзом супругов, как утверждает Толстой устами старого купца, носителя патриархальной традиции. Этот персонаж настаивает на том, что люди жили веками, игнорируя любовь в супружеском союзе, проблема возникла только в последнее время: «Прежде этого не разбирали, - внушительным тоном сказал старик, - нынче только завелось это» (С. 10).

Какой же тип любви призван охранять брачный договор буржуазного типа? Согласно одному автору того времени, здесь речь идет о результате добродетельной и чистой любви, происходящей из идеалов Просвещения, которые проникли в Россию через идеалы романтизма, и сформировали образы новых героинь русской литературы от Лизы Карамзина до Татьяны Лариной Пушкина.

Известно, какое глубокое действие произвело на наше общество Карамзинская «Бедная Лиза», содержание которой вызывало подражание в жизни и породило такие же идиллические увлечения в действительности. Эта идеализация женщины оказала влияние на изменение *любви*, которая получила другое содержание и другие формы выражения⁴⁵.

Итак, в конце века, в воображении женщины любовь приобретает эмоциональное значение, как утверждает дама в своем восхвалении буржуазного брака:

⁴⁴ Декрет от 19 декабря 1917 года "О расторжении брака" // <http://www.economics.kiev.ua/download/ZakonySSSR/data04/tex17488.htm> (29.02.2012).

⁴⁵ Огорович Я. Женщина в праве. СПб.: Изд. Канторовича, 1900. С. 83.

- Ведь главное то, чего не понимают такие люди, - сказала дама, - это то, что брак без любви не есть брак, что только любовь освящает брак, и что брак истинный только тот, который освящает любовь (С. 12).

И именно по поводу понятия любви возникает дискуссия между дамой и Позднышевым, который отказался от патриархальной модели, но не находит адекватного ответа и в модели буржуазной:

- Какая же это любовь... любовь...любовь... освящает брак? - сказал он, запинаясь. [...]

- Истинная любовь... Есть эта любовь между мужчиной и женщиной, возможен и брак, - сказала дама (С. 12-13).

Позднышев отрицает понятие любви и утверждает, что единственный настоящий брак – это христианский, "таинство, за которое отвечаешь перед Богом", институт, который более не существует, который пронизан ложью:

- То вы говорите, что брак основывается на любви, когда же я выражаю сомнение в существовании любви, кроме чувственной, вы мне доказываете существование любви тем, что существуют браки. Да брак-то в наше время один обман!

- Нет-с, позвольте, - сказал адвокат, - я говорю только, что существовали и существуют браки.

- Существуют. Да только отчего они существуют? Они существовали и существуют у тех людей, которые в браке видят нечто таинственное, таинство, которое обязывает перед Богом. У тех они существуют, а у нас их нет. У нас люди женятся, не видя в браке ничего, кроме совокупления, и выходит или обман, или насилие (С. 14-15).

Для Позднышева любовь не существует, кроме как в своем сексуальном обличье, в то время как его собеседница утверждает, что половые отношения и любовь дополняют друг друга:

- Да-с, я знаю, - перекрикивал нас седой господин, - вы говорите про то, что считается существующим, а я говорю про то, что есть. Всякий мужчина испытывает то, что вы называете любовью, к каждой красивой женщине. [...]

- Но вы все говорите про плотскую любовь. Разве вы не допускаете любви, основанной на единстве идеалов, на духовном сродстве? - сказала дама.

- Духовное сродство! Единство идеалов! - повторил он, издавая свой звук.
- Но в таком случае незачем спать вместе (простите за грубость). А то вследствие единства идеалов люди ложатся спать вместе, - сказал он и нервно засмеялся (С. 14).

В то время как Позднышев провозглашает свой аскетический идеал⁴⁶, дама воспекает романтическую любовь, связанную с буржуазным идеалом. Именно этот идеал выдвигает на

⁴⁶ В некоторых случаях, как уже было несколько раз подчеркнуто, позиции Позднышева противоречивы. В то время как, с одной стороны, он отстаивает целомудрие, с другой, утверждает: «Мужику, работнику, дети нужны, хотя и трудно ему выкормить, но они ему нужны, и потому его супружеские отношения имеют оправдание» (С. 46). По этому поводу

первый план чувства, которые смешиваются с новым качеством сексуальных отношений, облеченных любовью и узаконенных внутри брака. Эти отношения входят в домашнюю жизнь, игнорируя то, что "семья – это кристалл в диспозитиве сексуальности: кажется, что распространяет сексуальность, которую на самом деле отражает и преломляет"⁴⁷. Это приводит к изменениям в формах и методах общественного контроля за сексуальными отношениями; в то время как в эпоху феодализма они обеспечивали продолжение рода, утверждение патриархальной семьи, то сейчас они заполняются чувствами и пронизывают семейную жизнь, способствуя внутрисемейному счастью и... давая возможность проникновения новым властным механизмам.

Конфликт поколений, который нашел отражение в литературе от *Отцов и детей* Тургенева до *Что делать?* Чернышевского, обнажив откровенную реакцию новых поколений против жесткой авторитарной системы России, породил модели альтернативных отношений между полами. Вслед за переменами конца века в русском обществе рождаются новые дисциплины для регулирования сексуального поведения, поднимается тема аборта и предупреждения беременности, изучается демографическое бремя, медицина исследует новые болезни, среди прочих и венерические, что следует также из слов Позднышева:

- Опасность болезней? Но и та ведь предвидена. Попечительное правительство заботится об этом. Оно следит за правильной деятельностью домов терпимости и обеспечивает разврат для гимназистов. И доктора за жалованье следят за этим. Так и следует. Они утверждают, что разврат бывает полезен для здоровья, они же и учреждают правильный, аккуратный разврат. Я знаю матерей, которые заботятся в этом смысле о здоровье сыновей. И наука посылает их в дома терпимости.

- Отчего же наука? - сказал я.

- Да кто же доктора? Жрецы науки. Кто развращает юношей, утверждая, что это нужно для здоровья? Они. А потом с ужасной важностью лечат сифилис (С. 18)⁴⁸.

отсылаем к ответу Толстого Черткову, когда последний его спрашивает насчет его переменчивого подхода по отношению к браку. Приведем ответ Толстого: «И то и другое справедливо: все зависит от той ступени, на которой находится человек. Если он охвачен непреодолимой потребностью супружеской жизни, то, вместо того, чтобы жить распутно или предаваться неестественным порокам, ему, разумеется, лучше вступить в брак для совместного с своим супругом исполнения своего семейного и общественного назначения. Если же он в состоянии весь отдать служению Богу и людям, забывая себя в этом служении, то для такого человека брак несомненно был бы падением и помехою, точно так же, как связаться веревками попарно было бы помехою для полевых работников, дотоле свободно располагавших всеми своими членами» (*Толстой Л.* О половом вопросе. М., 1906. С. 4).

⁴⁷ Фуко М. Указ. Соч. С. 213. О сексуальном вопросе в России конца века см. *Кон И.* Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. М.: Время, 2010. С. 100-126.

⁴⁸ О недоверии Толстого к врачам см. *Сироткина И.* Классики и психиатры. М.: НЛО, 2009. С. 109-119.

В монологе Позднышева поднимаются темы проституции, распространения новых медицинских практик и предупреждения беременности, которое медленно заменяет распространенную практику аборта⁴⁹:

[Я] знаю десятки случаев - их пропасть,- в которых они убили то ребенка в утробе матери, уверяя, что мать не может разродиться, а мать потом рождает прекрасно, то матерей под видом каких-то операций. Ведь никто не считает этих убийств, как не считали убийств инквизиции, потому что предполагалось, что это на благо человечества (С. 39).

После 60-х годов проституция толкуется с двух противоположных точек зрения; для консерваторов это результат падения нравов вследствие урбанизации и европеизации, для либералов это плод бедности и социальных условий: «женщину ввергают в проституцию прежде всего нужда, голод, затем само общество, из среды которого выделяются проститутки. Общество создало проституцию»⁵⁰. Таким образом, с одной стороны наблюдается народническая тенденция спасти некоторых проституток, предложив им возможность другого жизненного пути, с другой, предпринимаются попытки регламентировать их поведение и привычки, найти лечение венерических болезней. Начиная со второй половины XIX века, государство, которое до Николая I официально игнорировало это явление, берет на себя ответственность за проблему, и дома терпимости превращаются в идеальное место для контроля и лечения⁵¹. В 1843 г. Министерство здравоохранения учреждает в Санкт-Петербурге, а годом спустя и в Москве, Врачебно-полицейский комитет по наблюдению за проститутками и лечению венерических болезней: «цель учреждения – искоренение любострастной болезни»⁵². За учредительным документом комитета следует серия инструкций, которые определяют правила, на основе которых врачи и полиция должны контролировать гигиенические нормы домов терпимости, жизнь их владелиц и самих проституток⁵³. С распространением сифилиса на социальном уровне, в 1861 г. Министерство внутренних дел принимает документ, которым поручает Врачебно-полицейскому комитету предупреждать распространение болезни⁵⁴. Его правила очень подробно изложены, они устанавливают очень тщательную сеть контроля вокруг домов

⁴⁹ По этим темам Толстой высказался в статье «Так что же нам делать?» (1886). О распространении практики аборта см. *Кон И.* Указ. Соч. С. 106-109. Между 1897 и 1912 гг. в Петербурге количество абортов увеличилось в десять раз (Там же. С. 107).

⁵⁰ *Кузнецов М.* Проституция и сифилис в России: Историко-статистические исследования. СПб.: Тип. Балашева, 1871 // *Пушкарева Н., Бессмертных Л.* Указ. Соч. С. 550-551.

⁵¹ О жизни в домах терпимости см. *Кузнецов М.* Указ. Соч. С. 564-571.

⁵² Учреждение в С.-Петербурге врачебно-полицейского комитета [1843] // *Пушкарева Н., Бессмертных Л.* Указ. Соч. С. 603.

⁵³ См. *Пушкарева Н., Бессмертных Л.* Указ. Соч. С. 603-676.

⁵⁴ Положение врачебно-полицейского комитета в С.-Петербурге [1861] // *Пушкарева Н., Бессмертных Л.* Указ. Соч. С. 614-632.

терпимости и жизни проституток, особенно не имеющих постоянного места жительства («бродячие женщины развратного поведения»), которые составляют более нестабильную и ускользающую категорию населения. Так, в 1845 г. министр внутренних дел констатирует, что, если до введения правил считалось, что в Петербурге количество проституток достигает 400, то в действительности из расследования комитета вытекает, что их число доходит до 2000⁵⁵. Медик-гигиенист той эпохи Мария Покровская в своем исследовании о проституции ставит это явление в зависимость от отсутствия условий существования, которые обеспечивали бы всем нормальную супружескую жизнь: «Надо стремиться изменить общественные формы жизни таким образом, чтобы брачная жизнь была возможна для всех, а не искать компромисса в проституции»⁵⁶. Чтобы бороться с проституцией Покровская предлагает ликвидацию домов терпимости и, беря пример с Франции и Англии, учреждение институтов по реабилитации проституток⁵⁷.

Другая важная проблема, которая вытекает из слов Позднышева, касается отношений между матерью и детьми, воспитания и здоровья потомства, находящегося сейчас в центре семьи и материнского внимания. В эти годы действительно рождаются новые отношения между государством и его «генетической клеткой», семейным институтом, стремящимся довести до конца совместный воспитательный проект, сформулированный новой наукой, педагогикой. Речь не идет о потере власти над семейной ячейкой, как считает социолог Сорокин, напротив, о более цельном проекте, в котором два больших дисциплинарных института, семья и школа, будут действовать совместными усилиями.

Происходящий в наше время перелом отношений родителей и детей означает падение родительской опеки и замену ее опекой общества и государства, постепенную утрату семьей ее учительски-воспитательной роли и приобретение этой роли обществом и государством⁵⁸.

В эти годы имеют широкое хождение педагогические тексты, среди которых работы Владимира Жука и Евгении Конради⁵⁹, а также назидательно-дидактические произведения Толстого-педагога⁶⁰.

⁵⁵ Покровская М. Врачебно-полицейский надзор за проституцией способствует вырождению народа [1902] // Пушкарева Н., Бессмертных Л. Указ. Соч. С. 689.

⁵⁶ Покровская М. Борьба с проституцией. СПб.: Тип. Сойкина, 1900. С. 3. Покровская предоставляет также данные о количестве проституток в России в 1899 г., об их возрасте, образовании и т.д. Там же. С. 9.

⁵⁷ Покровская М. Борьба с проституцией. Цит. С. 31-33.

⁵⁸ Сорокин П. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал. 1916. № 3. С. 162.

⁵⁹ В 1880 г. выходит первое издание книги В. Жука «Мать и дитя». Гигиена в общедоступном изложении (до 1906 г. вышло восемь изданий), широко распространены книги Е. Конради «Исповедь матери» (1876) и «Общественные задачи домашнего воспитания. Книга для матерей» (1883).

⁶⁰ См. Толстой Л. Педагогические сочинения. М.: Геотар-Медиа, 2010, и приведенная в них библиография. Годом написания «Крейцеровой сонаты» соответствует так называемый

Женщина возводится до роли жены-матери-воспитательницы, которая сохраняет семью, передает потомкам ее ценности и формирует новые поколения, так же, как это предусматривал ранее воспитательный проект Руссо, обогащенный впоследствии произведением Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека. Наставление юноши» (1834), которое получило широкое распространение в России и о котором, по всей вероятности, знал также и Толстой, большой почитатель автобиографических записок «Мои темницы»⁶¹.

Речь идет о дисциплинарном проекте, которому содействуют новые науки. В центре внимания находится роль педиатрии, которая берет на себя воспитательную роль, как показывает деятельность знаменитого московского педиатра Егора Покровского, знакомого Толстого. Вслед за живым интересом к медицинским наукам, который возник в России после 1860 г., в 1894 г. основывается «Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова», при котором учреждается Комиссия по обеспечению программы профилактики и медицинского просвещения среди населения, учитывая, что в нем еще царствуют глубокая отсталость, множество предрассудков и безграмотность⁶². Появляется яркая литература популярного характера, которой оказывают поддержку врачи, стремящиеся к распространению новой медицинской сознательности. В 1889 г. по совету Толстого Покровский издает книгу, озаглавленную *Об уходе за малыми детьми*, в которой, кроме советов женщинам о том, как растить потомство, рассуждает также на темы брака, лечения и здоровья матери. В этом труде мы находим многие темы, поднятые Толстым в «Сонате», но в форме медицинского трактата для широкой публики. Таким образом, мы оказываемся перед дискурсом, который активно проникает в общественное сознание и который научным образом несёт все то же послание, переданное Толстым в литературной форме⁶³. Данная работа утверждает, что предпосылкой детского здоровья является хороший брак между супругами, имеющими крепкое здоровье и пребывающими в добрых взаимоотношениях:

третий период педагогического творчества писателя (конец 80-х годов – 1910), когда главная воспитательная проблема состоит для него в вопросе о смысле жизни и нравственном воспитании. В этот период автор издает книги «Круг чтения», «На каждый день», «Путь жизни» и начинает работать над книгой для родителей и воспитателей (Детский круг чтения).

⁶¹ Пеллико С. Об обязанностях человека. Наставление юноше. СПб.: Тип. Греча, 1836. О мнении Толстого см. Опульская Л. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1886 по 1892 год. М.: Наука, 1979. С. 90 (<http://feb-web.ru/feb/tolstoy/chronics/opu/opu.htm> (29.02.2012)).

⁶² Frieden N. Child Care: Medical Reform in a Traditionalistic Culture // Ransel D. (Сост.). The Family in Imperial Russia. Cit. P. 240-242.

⁶³ Между 1889 и 1912 гг. книга Покровского издается девять раз. В 1892 г., с предисловием Толстого, переводится также «Токология» американского гинеколога Алисы Б. Стокхем, которая проповедует половую гигиену (Стокхем А. Токология, или наука о деторождении: (Гигиена беременных и новорожденных). Киев, 1892).

По вступлении в брак муж и жена прежде всего должны заботиться о том, чтобы поддерживать между собою взаимное согласие. Мир между супругами есть первое условие для успешного воспитания детей. Ссоры между родителями, происходящие от самодурства мужа или от сварливости жены, суть главные препятствия для правильного воспитания⁶⁴.

С этой целью, как предписывается в книге Покровского, необходимо избегать венерических болезней и придерживаться "правильного" сексуального поведения:

Кроме возраста и здоровья, при вступлении в брак не следует забывать о своих болезнях. Многие болезни родителей нередко целиком переходят к детям⁶⁵.

Покровский продолжает, настойчиво повторяя пункт, на котором настаивает также Позднышев:

Есть еще одна причина возвращения нездоровых детей, - это неправильность и несвоевременность в половых сношениях супругов. Половые сношения законны только тогда, когда от них могут произойти дети, следовательно, не законны во время беременности и кормления⁶⁶.

А залогом детского здоровья является кормление материнским молоком: «Первою пищею только что родившего ребенка должно быть грудное молоко матери»⁶⁷.

Таким образом литературная и медицинская дискуссии слились воедино в своих «посланиях» обществу, которое воспринимает их то терпеливо, то отвергая их, как мы видим в реакции Чехова. Он, выступая не только как писатель, но и как врач, хотя и выражает похвалу «Крейцеровой сонате» как литературному произведению, все же замечает:

Так, его суждения о сифилисе, воспитательных домах, об отвращении женщин к совокуплению *в* проч. не только могут быть оспариваемы, но и прямо изобличают человека невежественного, не потрудившегося в продолжение своей долгой жизни прочесть две-три книжки, написанные специалистами⁶⁸.

В частности, после прочтения Чеховым «Послесловия», заключение человека науки взяло верх над мнением писателя, и Чехов в письме другому своему собеседнику приводит следующие доводы:

⁶⁴ Покровский Е. Об уходе за малыми детьми. М.: Тип. Вильде, 1910⁶. С. 9.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 10. Толстой утверждает: «И нехорошо невоздержание во время беременности и кормления, потому что это губит телесные, а главное — душевные силы женщины» (С. 81).

⁶⁷ Там же. С. 15-16. В «Крейцеровой сонате» читаем: «И потому главная задача женщины - уметь обвораживать его [мужчину]. Так это было и будет. Так это в девичьей жизни в нашем мире, так продолжается и в замужней. В девичьей жизни это нужно для выбора, в замужней - для властвования над мужем. Одно, что прекращает или хоть подавляет на время это, это - дети, и то тогда, когда женщина не урод, то есть сама кормит» (С. 38).

⁶⁸ Чехов А. Письмо А.Н. Плещееву. 15 февраля 1890 г. // *Его же*. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 4 М.: Наука, 1975. С. 18.

Я третьего дня читал его "Послесловие". Убейте меня, но это глупее и душнее, чем "Письма к губернаторше"⁶⁹, которые я презираю. Черт бы побрал философию великих мира сего! Все великие мудрецы деспотичны, как генералы, и невежливы и неделикатны, как генералы, потому что уверены в безнаказанности. Диоген плевал в бороды, зная, что ему за это ничего не будет; Толстой ругает докторов мерзавцами и невежничает с великими вопросами, потому что он тот же Диоген, которого в участок не поведешь и в газетах не выругаешь. Итак, к черту философию великих мира сего!⁷⁰

Адюльтер как угроза обществу

[Н]адо, [...] чтобы нарушение обещания верности, даваемого в браке, казнилось бы общественным мнением по крайней мере так же, как казнятся им нарушения денежных обязательств и торговые обманы, а не воспевалось бы, как это делается теперь, в романах, стихах, песнях, операх и т. д. (С. 80-81).

Совершать адюльтер означает изменять, портить, разрушать морально, и термин *неверная жена* отсылает к образу испорченного и разложившегося товара, к видению, которое не имеет ничего общего с представлением о добродетельной и верной женщине, стоящей на страже буржуазной семьи. Если соединить такое видение с остатками патриархального наследия, то образ неверной женщины представится таким непристойным, что можно оправдать убийство неверной жены оскорбленным мужем, как случилось с Позднышевым.

В России общество всегда было особенно чувствительным в отношении случаев супружеской измены, главным образом, если неверной оказывалась женщина. Напомним, что наряду с писаным законом существовали сильно укоренившиеся народные традиции, распространенные по всей стране, согласно которым прелюбодеяние считалось одним из самых серьезных оскорблений для общественной морали, в частности, когда ответственной была замужняя женщина. Даже потеря женщиной девственности до брака не имела такого сильного резонанса в обществе, как посягательство на брачные узы. Кроме того, в случае супружеской измены женская честь возводилась в несравнимую с мужской степень, поэтому женщина подвергалась публичным позорящим наказаниям за оскорбление "добрых нравов" и за "посягательство на устои"⁷¹.

В годы написания «Крейцеровой сонаты» происходит горячая юридическая дискуссия вокруг темы адюльтера. Со времени Петра Великого вопрос рассматривался то светскими

⁶⁹ Имеется в виду письмо XXI из «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя.

⁷⁰ Чехов А. Письмо А.С. Суворину. 8 сентября 1891 г. // *Его же*. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 4. М.: Наука, 1975. С. 270.

⁷¹ Пушкарёва Н. Позорящие наказания для женщин в России XIX-начала XX // *Муравьева Н.* (Сост.). Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI-XX вв.). СПб.: изд-во Европейского университета, 2011. С. 202-208. О наказаниях за супружескую измену см. также Кон И. Указ. Соч. С. 104-105.

властями, то церковными; в соответствии с реформой 1864 г. принимается разделение полномочий. Начиная с этого момента, оскорбленная сторона может обратиться в уголовный суд (отказываясь, однако, от права на развод), или же потребовать развода в церковном суде с мотивацией прелюбодеяния. В 1885 г. начинается дискуссия, завершившаяся реформой 1903 г., в ходе которой супружеская измена рассматривалась преимущественно не как личное оскорбление (критерий, принятый судом, который оправдал Позднышева), а как преступление общественного характера. По мнению юриста Франца фон Листа, государство обязано защищаться от супружеской измены, чтобы сохранить чистоту *государственного правового института* брака⁷². По завершении полемики супружеская измена окончательно передается семейному кодексу, хотя и продолжает считаться уголовным преступлением:

Порядок в семье, составляющий условия порядка в обществе, по мнению *большинства членов*, Особого Присутствия, несомненно предполагает уголовную наказуемость деяния, последствием которого в большинстве случаев является распадение и даже расторжение самой семьи⁷³.

Попытка навести порядок в законах о супружеской измене вызвана тем, что ментальность эпохи изменилась. По мнению юриста М. М. Абрашкевича, современника Толстого, в конце века адюльтер, представляя угрозу институту брака как таинству, так и как государственному институту, прежде скрываемый и утаиваемый, теперь выставляется напоказ, как в жизни, так и в литературе:

В наши дни адюльтер приобретает права гражданства. Чистота семейных нравов отстывает пред ним все далее и далее. Верность супружескому долгу рисуется особенной заслугой, из простой естественной обязанности в подвиг. [...] В современной литературе, отражающей так печально сложившуюся жизнь, трудно отыскать произведение, которое бы не затрагивало так или иначе вопроса о нарушении супружеской верности⁷⁴.

Если брак по расчету предусматривал в своем неписаном кодексе практику адюльтера, лишь бы он не афишировался в обществе, то буржуазный брак, основанный на личном выборе, на чувствах и взаимном согласии, находится под постоянной угрозой неправильного сексуального поведения супруга, поскольку оно, как лавина, влечет за собой ряд побочных последствий. Супружеская измена, будучи нарушением брачного договора, содержит в себе отрицание основ, на которых держится данный договор, и приводит к его гибели. И если считать, что брак лежит в основе существования общества, то тогда сама структура общества пребывает в опасности. Вот логически подразумеваемое заявление, сделанное Позднышевым и разъясняемое социологом Сорокиным:

⁷² Цит. в *Абрашкевич М.* Прелюбодеяние с точки зрения уголовного права: Историко-догматическое исследование. Одесса: Экономическая типография, 1904. С. 600.

⁷³ Там же. С. 606-607.

⁷⁴ Там же. С. 614-615.

А все сказанное о росте внебрачных детей, аборта и проституции, достаточно убедительно доказывает факт роста внебрачных связей и тем самым ослабления супружеской связи, иначе говоря, увеличивающееся разложение брака и семьи⁷⁵.

Прежде именно церковь в согласии с государством сурово наказывала виновного. Признание брака как таинства вело к тому, что прелюбодей/ка покрывал/а себя позором тяжелого греха:

Человек, собиравшийся посягнуть на семейный союз, должен был считаться не только с вопросом удобства и счастья, как теперь, но должен был пойти на великий грех, посягнуть на догматы и авторитет церкви, потерять душу, предать ее дьяволу, и сверх того считаться с немалыми карами, налагавшимися государством. [...] Этой религиозной основой брака и объясняется факт беспощадных наказаний за прелюбодеяние, налагавшихся государством на прелюбодеев⁷⁶.

Теперь же, посягательство на брачный союз не содержит в себе обязательного вывода "потерять душу", но подразумевает угрозу общественным ценностям; прелюбодеяние выходит из религиозной и индивидуальной сферы, чтобы войти в сферу светскую и публичную. И этот "скандальный" социальный фон отражается в литературе, которая его воспроизводит и распространяет, как утверждает юрист Борис Чичерин: «Современный роман представляет нам картину этого хаотического брожения, в котором господствует всеобщий разлад»⁷⁷.

Развод

В те годы, когда Толстой пишет «Крейцерову сонату», вопрос развода стоит на повестке дня, как об этом свидетельствует изречение адвоката:

Адвокат говорил о том, как вопрос о разводе занимал теперь общественное мнение в Европе, и как у нас все чаще и чаще являлись такие же случаи. Заметив, что его голос один слышен, адвокат прекратил свою речь и обратился к старику.

- В старину этого не было, не правда ли? - сказал он, приятно улыбаясь. [...]

- Бывало, сударь, и прежде, только меньше,- сказал он. - По нынешнему времени нельзя этому не быть. Уж очень образованны стали (С. 9).

Действительно, в отличие от брака по расчету буржуазный брак допускает развод: если первый вид брака исключал его априори, рассматривая его как отрицание супружеского договора, то теперь развод является единственным исправлением супружеской измены. Как только совершено "преступление", единственным способом для

⁷⁵ *Сорокин П.* Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал. 1916. № 2. С. 180.

⁷⁶ Там же. С. 188.

⁷⁷ Цит. в *Абрашкевич М.* Указ. Соч. С. 615

спасения брачного соглашения является согласие на расторжение первого договора, чтобы дать возможность заключить новый. В результате, в конце века увеличивается количество разводов, давно предусмотренных российским законом, но относящихся к случаям довольно специфичным и ограниченным (прелюбодеяние, длительное отсутствие супруга, физические недостатки, препятствующие половым отношениям, или ссылка супруга в Сибирь⁷⁸) и всемерно запрещаемых церковью, которая фактически, долгое время управляла расторжением брака⁷⁹. Ввиду сильного требования секуляризации, выдвигаемого реформистским сообществом, церковь оказывает стойкое сопротивление⁸⁰. Начинается сильное противостояние между властью светской и церковной, которое будет еще долго действовать, о чем свидетельствуют слова начальника Канцелярии Святейшего Синода и члена бракоразводного отделения Сергея Григоровского:

Следственная часть по делам брачным и в частности по делам о расторжении браков по прелюбодеянию одного из супругов не редко приводится среди других оснований для передачи брачных дел в суд светский; говорят, что в духовном суде следствие по этим делам производится не обстоятельно, что духовный суд не имеет в своем распоряжении, для правильного и скорого производства следствия, тех средств, которыми располагают преобразованные суды светские⁸¹.

Церковь упорно сопротивляется легализации развода и вовлечению светских судов в бракоразводный процесс. Несмотря на это, число фактических разводов увеличивается и, если раньше развод предоставлялся почти исключительно в случае длительного отсутствия супруга или лишения его гражданских и политических прав, то теперь растут случаи разводов из-за супружеской измены⁸².

Как рассказывает юрист прогрессивных взглядов Иосиф Гессен, в конце века ситуация в России в отношении развода и раздельного проживания супругов представляется очень отсталой по сравнению с остальной Европой, поскольку развод чрезвычайно трудно получить, а раздельное проживание не существует как правовой институт. В течение почти целого века предпринимались попытки исправить, по словам Гессена, «ненормальность

⁷⁸ См. ст. 45 Гражданского Кодекса (Свод законов Российской империи, 1910. Т. 10. Часть I. С. 1); *Кавелин К.* Собрание сочинений. СПб.: Стасюлевич, 1900. Т. IV. С. 1074-1075; *Победоносцев К.* Курс гражданского права. СПб.: Тип. А. Краевского, 1871. Т. 2. С. 78-82.

⁷⁹ О разводе см. *Способин А.* О разводе в России. М.: Тип. Лаврова, 1881; *Кавелин К.* Указ. Соч. Т. IV, С. 1066-1083; *Загоровский А.* О разводе по русскому праву [1884] // *Пушкарева Н., Бессмертных Л.* Указ. Соч. С. 7-330; *Загоровский А.* Курс семейного права. Цит.; *Кулишер М.* Развод и положение женщины. СПб.: Тип. Б. Вольфа, 1896.

⁸⁰ *Wagner W.* Op. Cit. P. 101-205.

⁸¹ *Григоровский С.* О разводе: Причины и последствия развода и бракоразводное судопроизводство. Историко-юридические очерки. СПб.: Синод. Тип., 1911. С. 40-41.

⁸² Если в 1867 г. разводы из-за супружеской измены составляли 2%, в 1886 г. вырастают до 12,7% и достигают 97,4% между 1905 и 1913 гг. (*Вереманко В.* Супружеские отношения в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX века: этапы эволюции // Социальная история. 2008 г. СПб.: Алетея, 2009. С. 63).

существующего положения», но окончательные решения достигнуты не были⁸³. Такую картину описывал в 1911 г. в своем трактате и Григоровский, который приводит исторический анализ законодательства в вопросе разводов за последние двадцать пять лет⁸⁴. Из его исторического экскурса выясняется, что несмотря на то, что данный вопрос был в поле зрения прессы, государственные органы и Святейший Синод в этот промежуток времени не пришли еще к окончательному законодательному решению⁸⁵. Тем не менее, автор признает такую необходимость, которая диктуется существованием устаревших законов и полностью изменившимися требованиями жизни. В последнюю четверть века все же произошли некоторые изменения, и интересно отметить, что наиболее важные из них касаются вопросов прелюбодеяния⁸⁶. В 1895 г. признается возможность развода из-за длительного отсутствия супруга, а в 1904 г. новый закон гласит о том, что те, кто получил развод из-за прелюбодеяния, может впоследствии заключить новый брак⁸⁷. Григоровский пишет:

Особенное же внимание Святейшего Синода было обращено на упорядочение самого производства дел о расторжении браков по прелюбодеянию; в этом направлении Святейшим Синодом издано было не мало разъяснительных циркулярных указов, касающихся, например, определения подсудности дел этого рода, вызова сторон к суду (на судоговорение), допущения ведения дел чрез поверенных, взамен тяжущихся супругов, срока представления сторонами доказательств иска или в его опровержение и т.п.⁸⁸

Таким образом, вокруг темы прелюбодеяния идет горячая дискуссия, но церковь оказывает упорное сопротивление его применению для получения развода. Несмотря на сильное давление, оказываемое прогрессивными юристами, прессой и обществом, даже проект, представленный в 1897 г. комиссией по реформе Гражданского Кодекса и, в частности, по вопросам развода и раздельного проживания супругов, не решает проблему секуляризации. Данный проект не содержал особых новаций, но лишь систематизировал и легализировал уже существующую практику относительно раздельного жительства супругов. Однако он был заблокирован главным прокурором Святейшего Синода Константином

⁸³ Гессен И. Раздельное жительство супругов. Закон 12 марта 1914 года. СПб.: Право, 1914. С. 1. См. *Wagner W.* Op. Cit. P. 138-223.

⁸⁴ Григоровский С. Указ. Соч.

⁸⁵ Там же. С. 4.

⁸⁶ О разводе из-за супружеской измены см. Григоровский С. Указ. Соч. С. 21-49.

⁸⁷ Закон гласит: «Ответчику по иску о нарушении святости брака прелюбодеянием, если он был в первом или втором браке, предоставляется право вступить в новый брак, причем прежде вступления в новое супружество он подвергается церковной епитимье по усмотрению духовного суда, согласно церковным правилам». Высочайше утвержденное определение Св. Синода 28 мая 1904 г. // Тютрюмов И. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Кн. I. М., 2004 (http://civil.consultant.ru/elib/books/33/page_1.html (05.04.2012)).

⁸⁸ Григоровский С. Указ. Соч. С. 6-7.

Победоносцевым, и до его ухода со службы в 1905 г. не будет принят. Только в 1914 г. будет принят закон, который позволит женщинам получать вид на жительство без согласия мужа, что фактически сделает возможным раздельное проживание⁸⁹. Проблема же секуляризации останется нерешенной вплоть до Октябрьской революции. По существу, архаический характер российской законодательной системы продлится до конца империи: до 1917 г. закон предусматривал, что действия, направленные против семьи, считаются уголовными преступлениями, т.е. преступлениями против государства и общественного порядка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Молчаливая революция», вызванная неверной женой Анной, которая увлекла ментальность читателей второй половины XIX века, заявит о себе с выходом в свет «Крейцеровой сонаты». Об этом свидетельствует интенсивный диалог, завязавшийся между автором и его читателями; многочисленные письма, которые Толстой получает от читателей, подталкивают писателя записать в своем дневнике: «[15 марта.1890] Пропать писем о «Крейцеровой сонате». Всё недоумения и вопросы»⁹⁰. Изменяются умонастроения и зарождается новая мораль, в соответствии с которой прежде замалчиваемые явления (прелюбодеяние, незаконнорожденные дети, оставление супружеского дома, и т.д.) становятся теперь явными и требуют легализации.

Широкая дискуссия, вызванная «Сонатой», переводит споры из литературы в плоскость публицистики, философии и общественных наук⁹¹. Это смещение замечено несколько лет спустя Василием Розановым, который в 1903 г. заявляет о необходимости

⁸⁹ Внутренний паспорт был необходим в имперской России для возможности выезжать даже на незначительные расстояния, чуть более двадцати миль от места жительства, как по работе, по учебе, чтобы снять дом или для путешествий. Документ содержал информацию о сословии, месте жительства, возрасте, вероисповедании, национальности и гражданском состоянии. Женщины вписывались в паспорт мужа, и чтобы получить свой личный паспорт им необходимо было его разрешение. Такие правила действовали вплоть до марта 1914 г. См. *Чернуха В.* Паспорт в России 1719-1917: СПб.: Лики России, 2007. См. также *Гессен И.* Указ. Соч.

⁹⁰ *Толстой Л.* Собрание сочинений в 22 томах. М.: Художественная литература, 1984. Т. 21 // (http://www.rvb.ru/tolstoy/01text/vol_21/1476.htm (23.02.2012)).

⁹¹ Данное явление непосредственно касается и семьи самого Толстого. Жена Толстого Софья Андреевна написала в ответ на «Крейцерову сонату» свою автобиографическую повесть «Чья вина? Повесть женщины (По поводу «Крейцеровой сонаты» Льва Толстого)». При жизни графини повесть во избежание семейного скандала осталась неизданной и была опубликована лишь в 1994 году («Октябрь» № 10). Сын же Толстого Лев Львович написал «Прелюдию Шопена» («Прелюдия Шопена и другие рассказы», М., 1900), в которой полностью оспаривает видение отца супружеской, сексуальной жизни и чувственности, утверждая тем самым необходимость ранних браков и ведения активной половой жизни. См. *The Kreutzer Sonata Variations. Lev Tolstoy's Novella and Counterstories by Sofiya Tolstaya and Lev Lvovich Tolstoy.* New Haven, London. Yale University Press, 2014.

разработать теорию, основывающуюся на фактах и документах. По мнению философа, с этой целью следует учредить настоящий архив отзывов и заключений по вопросу развода и семьи, выделив эти темы из литературы и переведя их в плоскость философии и религии. Розанов считает, что на заре нового века беллетристика вынесла на обсуждение ряд проблем, требующих тщательного рассмотрения на публицистическом уровне и решения в юридическом плане. Двойственная роль литературы, которая с одной стороны предлагает материал для исследования (не только отражает социальные проблемы, но и изображает литературных персонажей, изучаемых затем психиатрами как реальные случаи для построения своего медицинского заключения⁹²), а с другой выступает сама "исследователем проблемы" (поскольку разбирает темы, относящиеся к семье, и таким образом способствует распространению дискуссии на уровне общества), послужила существенным импульсом для обсуждения данных вопросов. Розанов, постоянно цитируя Толстого, утверждает, что семья в России всегда была широко представлена в искусстве, литературе и поэзии, или была на острие внимания шуточных опер и пародий, но никогда не была объектом философского исследования. Теперь же настал час заняться научным исследованием и систематизировать свидетельства и мнения⁹³.

Этому смещению от творчества к науке широко способствуют произведения Толстого. Если современная литературная критика задается вопросом о "противоречивом" отношении Толстого-мыслителя к Толстому-художнику и не считает его творчество достойным величю писателя, то церковь, государство и общество размышляют о том, сколько вопросов поднято авторитетным пером писателя. Между тем, как критики теряются в лабиринте нравственных суждений, согласно которым в прошлом Толстой-мыслитель поддался Толстому-художнику, а сейчас Толстой-моралист взял верх и рукой Позднышева наказывает грешницу⁹⁴, при этом история сексуальной культуры и семьи в России глубоко отмечена «Крейцеровой сонатой». Освещая кризис брака и отношений между полами, «Соната» порождает разговоры, которые витали в воздухе уже с 60-х годов. Все это происходит на фоне, особенно благоприятном для изменения нравов: ослабление цензуры, закат позитивизма, рождение философии индивидуализма и возникновение класса буржуазии, всё это открывает путь новому

⁹² См. *Сироткина И.* Указ. Соч. С. 132-134.

⁹³ *Розанов В.* Семейный вопрос в России. В 2 т. СПб.: Тип. Меркушева, 1903. Т. 1. С. III-IV.

⁹⁴ «Должно было пройти много лет, моралист в Толстом должен был восторжествовать над художником, и тогда Толстой в «Крейцеровой сонате» действительно казнил женщину рукою Позднышева» *Райх М.* Женщина в мирозерцании Толстого // Женское дело. 1910. № 29-30. С. 7. См. *Головин К.* Русский роман и русское общество. СПб.: Изд. Маркса, 1904. Репринт. изд. Мичиганского университета, 2011. С. 456. Расхождение было уже отмечено А. Скабичевским: Разлад художника и мыслителя // Русское богатство. 1880. № 1. С. 1-34; Граф Л.Н. Толстой как художник и мыслитель (Критические очерки и заметки). СПб., 1887.

поведению и совсем другой морали. В этот переходный период зарождается буржуазная семья, и то, что не было позволено в браке по расчету, становится возможным в ее лоне: договор, основанный на чувствах, должен иметь возможность быть расторгнутым, если пропадает основа, на которой он держится, т.е. любовь, и именно случай супружеской измены демонстрирует ее отсутствие. Растет число разводов и случаев раздельного жительства супругов; женщины, которые приобретают право голоса в обществе, требуют права быть освобожденными от мужа и от семьи патриархального толка. Речь идет об очень медленных процессах, которые, по всей вероятности, найдут решение только в 1917 г. Все-таки, советское государство, преодолев этап семьи-коммуны 20-х годов, внезапно вернется к идеалам брака и семьи, признав семью базовой ячейкой советского общества, от которой исходят механизмы общественного контроля. Брак и семья продолжают, таким образом, свою историю привилегированного дисциплинарного института.

Перевод с итальянского Л. Бескровной.